

Клуб рассказчиков

Анатолий САДЫРОВ

СЫНОК

Заканчивался август 1958 года. Я, старший кондуктор Новосибирского отделения Томской железной дороги, в Барабинской резервной службе получил документы на сопровождение товарника до города Новосибирска. Прошел с головы поезда до конца состава, сверяя номера вагонов в ведомости и на вагонах. Дошел до последнего вагона. Начинало светать. Пот с меня лил ручьем. Я был одет в железнодорожную форму, поверх – непромокаемый длинный до земли плащ. Я нес на плечах два больших фонаря, железный тормозной башмак. Две сумки: одна наполнена сигнальными свечами, разноцветными флажками, аптечкой, другая наполнена продуктами питания. Поднялся на открытый тамбур. Повесил по бокам фонари. Под сиденье положил башмак, сумки. Достал флажок с желтой материей и выставил из тамбура, показывая машинисту, что всё в порядке, можно отправляться. И тут я увидел внизу, на земле, на тележке сидящего старичка. Я крикнул ему:

– Дедушка, осторожно, мы сейчас тронемся.

От него услышал:

– Возьми меня с собой. Мне очень нужно в город Новосибирск...

Я тут же ответил:

– Дедушка, по инструкции запрещено. Меня могут проверить по пути следования или в Убинке, или в Чулыме. Тогда на меня наложат административное наказание.

Он приблизился к ступенькам.

– Молодой человек, разреши. Мне очень, очень нужно.

Я обратил внимание на его одежду. Черный пиджак из чистой шерсти, изпод него выглядывала серая шелковая рубашка-двухрядка. Я подумал: «Если кто и появится из контролеров, прикрою его плащом». Спустился с тамбура и предложил:

– Садитесь, дедушка

Он расстегнул широкий черный ремень, связывающий его култышки с тележкой и, быстро перебирая руками, поднялся на тамбур. Я осторожно поставил тележку ближе к откидному сиденью. Машинист дал длинный гудок. Мы тронулись. Я со сложенным желтым флажком вытянул руку и так простоял, пока не проехали вокзал. Дедушка сел на тележку, застегнул ремень и прижался к моим ногам.

– Спасибо, – проговорил он. – Нам с тобой долго ехать, давай познакомимся. Меня зовут Николаем Ефимовичем, фамилия Мылков. Я родом из деревни Тюменевой Казанской волости, Каиского уезда. Сейчас нет ни деревни, ни волости и уезда такого нет. А когда меня брали на Первую мировую, у нас в деревне было двадцать восемь дворов и проживало сто двадцать мужчин и женщин. Вообще-то население нашей деревни начало уменьшаться с русско-японской войны. Похоронили там, не знаю, на чьей земле, Никифора Бараканова, а Ермолая Берёзова похоронили в деревне. Его привезли уже очень больным инвалидом. Он месяц помаялся и помер. Что это я тебе о деревне начал рассказывать? Тебе это не интересно?

– Дедушка Николай Ефимович, мне интересно. Я в жизни больше встречался с участниками Второй мировой... Знаком был с дядей Петей Фёдоровым. Он рассказывал про Первую мировую. Заядлый рыбак был. Год назад умер. А вам сколько лет?

Николай Ефимович вынул левую руку из кармана пиджака и, как бы стесняясь, быстро вернул её назад.

– Что ты себя не называешь? Кто ты? А мне скоро семьдесят...

Я назвал свое имя. Он вонзил в меня свои острые, не по годам молодые голубые глаза и сомневаясь протянул:

– Не знал, что татары носят русские имена.

Он отвернулся от меня, смотрел вдаль, где по правой стороне тянулось длинное голубое блюдо Подгорного озера. Я смотрел его профиль и радовался. Дома на столе у меня лежит книга «Избранные биографии». На обложке профиль автора Плутарха. Всё: и глаза, и брови, и прямой нос, и губы, и даже открытый кадык. Только нет плетеницы кольцом из зеленых лавровых ветвей. Зато густая седина не менее украшает необычно красивую голову моего попутчика. Я маялся предположениями, догадками: чем же мог обидеть или взволновать не-

прошенного пассажира? Я только назвал свое имя.

– Знаешь, Анатолий, – начал Николай Ефимович после долгого молчания, – это имя нечасто встретишь и среди русских. Священники сторонились его, пропускали. Обычно в этот день третьего июля ребятам давали имена святых: Василия, Александра, Константина, Диомида, Евлампия, Мокия, Марка...

– Вы были священником?

– Нет, мы на это не способны. Кто не знает поповскую службу, завидует им. Говорят: ходят они кадилом помахивают, до лба трояком прикасаются, в карманы бумажки складывают. И вся работа... А знаешь, какие у попа карманы? Один поп еще в царское время в храме села Зюзя ведро яиц в два кармана сложил и унес домой. Ни одного не раздавил. Работа у попов тяжелая. Богу надо угождать, владыке руку целовать, мирянам проповедь читать, светскую власть любить, матушку ублажать. Даже если бы я с ногами был, и то на поповскую службу не пошёл. Не так мы воспитаны. Я и верю в Бога, и не верю. Бога никогда не возносил. Руку у священника однажды целовал. Это было в пятнадцатом году под городом Осовец. Тишина. Мы в лесочке, я перед батюшкой на коленях исповедуюсь в своих грехах. Говорю священнику, что грех на мне великий уже пять колбасников убил. А священник отец Олег говорит: «Николай, не надо об этом». Я продолжаю: «А больше ни в чём не грешён. Воровать – не ворую, чужую бабу не соблазняю, нет тут их... В сторонке мой друг Анатолий улыбается, очереди дожидается. За Баракановым мой земляк и друг Иван Берёзов, дальше Андрей Сизев. И тут по нашей позиции артобстрел нарушил исповедь мою. Господи, Анатолий, лежу я под деревом, а на меня сверху с дерева жидкость льется. Посмотрел, присмотрелся – висят кишки надо мной, а рядом голова и глаза Анатолия смотрят на меня, честное слово, в улыбке.

А жижка на меня льется. Повернулся на живот, пополз в сторонку и заорал от боли. В воронку укатился. А дальше гляжу на себя и вижу потерю большую. Сапог нет. Следовательно, и где ноги мои? От меня ушли? Вот тут я и заревел. И забился. Только в госпитале открыл глаза. Священник, отец Олег у кровати моей целехонький сидит и ложку с кашей мне в рот суёт. Вот он и рассказал, что дружки мои Толя Бараканов, Ваня Березов и Андрейка Сизев убиты. Похоронили их на берегу речки Наревки. Наревелся я. А сам всё думал: как же матери их вынесут горе... Я ведь оказался счастливым. Ну и что, что ног нет. Трех пальцев на левой руке нет. Это же чепуха. Врач три раза мне резал живот и все кусочки железа оттуда вынимал – и это ерунда. А дружков моих, землячков нет. Как же я буду оправдываться перед их матерями? И по-другому маялся. В русско-японской из нашей деревни один погиб там. Другой умер дома. А здесь сразу трое... Надо и другое иметь в виду. Мы воевали в Десятой Армии. Многие из нашей деревни попали в Восьмую Армию? А если и там такие же потери? Что деревне делать?

Я встал, взял флажок и на вытянутой руке выставил его. Проезжали станцию Кожурла. Дежурный станции помахал мне рукой. Всё в порядке. Колёса не дымят. Посторонние по пустым вагонам не бегают.

– Я тебе говорил уже, что Никифор Александрович погиб в Японии. Это отец Толика. Ну вот. Осталась у него сестра Устинья, мать Ульяна Ивановна. Щупленькая-щупленькая, чернявенькая, подслеповатая с кривыми-кривыми ножками, как у татарок. Её деревня кликала Татарочкой. Меня домой везли, а я всё думал, как перед Татарочкой буду оправдываться. А она верующая-верующая. Без Бога ни за стол, ни за порог. В Новониколаевке, то есть в Новосибирске, меня поместили в Инвалидный дом. Лежу, в

окно на Николаевский проспект посматриваю. Весна почистила улицу. Господа в разноцветных кошевках, тарантасах прокатываются. Нас предупредили: гости идут. Пришли дамы, пышно одетые. Главврач с прислугой представил их. Они с благотворительного общества. Дамы нам руки жали, благодарили, что мы герои, каждому вручили пакет. Мы головами кивали, подмигивали, благодарили... Они ушли. Мы стали разворачивать пакеты. Я свой развернул и захохотал. Вынул из пакета рубаху, шаровары, а потом потянул и оказался у меня сапог. Знаешь, как заплакал. А мне сосед по палате кричит: «Давай меняться. У меня пиджак и две рубахи». А я думаю: шалишь, не буду. Отдам сапоги отцу Ефиму Савельевичу. Радость-то какая у него будет. Мало того, что сын вернулся ещё и с фронта сапоги отцу привёз. В голенища одного сапога полез и оттуда достал конверт. Распечатал и читаю каракули вслух: «Русскому войну. Громи супостатов, колбасников в моих сапогах. Гони злодея с территории нашего Отечества. Тачальщик сапог Ермола Михаил Березов. Деревня Тюменина Казанская волость, Каиский уезд». Слезы заволокли глаза. Зарыдал. Заревел. Сестра прибежала. Меня давай успокаивать. А я кричу на всю палату: «Сосед, я согласен. Меняемся».

Сапожник-то отец моего друга Ивана Березова... Его же тоже на той речке Наревке похоронили. И плакал я долго, и думал: «Ермолай – мужик крепкий. Всё прошел. Где-то даже с Афганистаном по молодости воевал. А вот и ванькина мать, Аринушка, Арина Петровна, любимица деревни. Пухленькая, с толстущей косой до самой задницы. Любительница песен и русских, и украинских. Поменяла сестра наши пакеты. Мне достался пиджак и две рубахи. Вот это пиджак тот. Я его, Анатолий, дома не ношу. Не могу. Под ним, видишь, рубаха. Это вторая. Первая полностью износилась. Старушка моя из неё четыре носовых

платка мне сшила. Но я в них не смогаюсь. Они у меня в память. Кормили нас в тот день по-пасхальски: икра, ветчина, колбаса мастера Верблюдова. Кому можно, по чарке наливали. Я пил чарку, потом вторую. За Анатолия, за Ивана. Попросил и третью. Налили. Я за третьего друга, за Андрея выпил.

Жили у нас в деревне Сизевы. Сам Филипп Фёдорович, жена Марья Парамоновна и три сына. Старший Андрей. И среди нас, друзей, он был старшим. Когда нас призвали, ему было уже тридцать лет...

Приближалась станция Клубничная. Я взял жёлтый флажок и вытянул руку в правую сторону. Дежурный станции кивнул, помаhal мне рукой, показывая, что всё в порядке, оси колёс не дымятся, непрошенных гостей, которые, бегали бы по пустым вагонам, нет. Я повернулся к Николаю Ефимовичу, извинился, что прервал его воспоминания. Он плакал. Я сел на откидное сиденье и прижал его голову к своим ногам.

– Вам плохо? Не надо, не рвите сердце и душу. Их когда не стало? Сорок два года назад?

– Да нет же, не сорок два года назад, а вчера. Мы brave, молодые, красивые рапортуем нашему командиру...

Новониколаевский Мещанин Шмаков приготовил мне и другим безногим, кто их оставил на поле боя, тележки. Вот эта тележка, на которой я все эти сорок два года катаюсь. Вот только колесики поменял. То они были у меня березовые, а сейчас железные. На следующий день меня разбудили ранехонько, по темноте. И сообщили, что из моей деревни родственники приехали за мной. И что я из дома инвалидов уже выписан. Я думал, кто же приехал? Отец? Не может. Он болен. Брату Мартемьяну пять лет. Сестренке Фёкле семь. А моя мамонька умерла, мне сообщили из деревни, когда я еще

только присягу принимал служить верно царю, царице и Отечеству.

И заходит в палату Филипп Фёдорович Сизев с сыновьями Фёдором и Дмитрием, братьями Андрея. Они меня обнимают, а я от них глаза прячу. Они плачут, и я плачу... Тут им передали, чтобы меня в другую палату отнесли. И предстал я перед комиссией. Мне говорят: «Это врачи: Новицкий, Ястребов, Донцов и Востоков назначают вам пенсию по пятому разряду, пожизненно, в сумме тридцати рублей».

– С большими муками привезли меня Сизевы в деревню. Я еще в телеге сидел, мать Анатолия Ульяна Ивановна обнимала меня и целовала, целовала, а потом заговорила: «Ты не убивайся, сынок. Не убивайся. Наша женская доля такая: любить, рожать, вскармливать и провожать. Ты, Николка, не плачь, не страдай. Ты молодой ещё, не знаешь, а нас, женщин, Господь Бог с детства учит реветь. Я маленькая была, тятку моего турки убили. Мамка редела, и я под лавкой редела. Даже обписалась. Мы поехали венчаться с Никифоркой. А нас всех в храме оглоушили: братика моего старшего Павла опять турки убили...» – Я смотрю, вся деревня подводу окружила и молчит, слушает Ульяну Ивановну. А Ульяна продолжала: – Моего мужа знаешь, на берегу какой-то речки Шохе похоронили... Вот и сына Толика на реке Нареве. А где эти реки текут, куда текут... Живёт ли кто там...? Ты не плачь. Мы своё переплакали. Ты, Никола, думай так: Господь Бог сотворил нас и деревню Тюменку. Когда мой отец в последний бой шёл, думал о деревне Тюменке. Мой Никифорка тож. И тебя привезли, где отец твой, отечество. И Толик мой, и Ваня Аринин, и Андрей Марьин. Они у нас в сердцах, значить, в нашей деревне, с нами, в отечестве нашем». – К Ульяне Ивановне прижалась Арина Петровна и Марья Парамоновна. Ульяна продолжала: – «Ты, Николка, наш сынок. Мы тебе будем мамкой. И без

нас ни шагу. Невесту мы тебе выберем. Поедем в Каинск, в храм. Всех девиц пересмотрим. И выберем такую, чтобы пригожа была и для моего Толика и для Ваньши, и для Андрюшки...»

Я говорил ей:

– Я калека, ей не понравлюсь.

– Это как так, – закричала Арина Петровна, – какой-то девице можешь ты не понравиться? У тебя вся красота наших сыновей. Смотри на картинку, что ты прислал с фронта. Брови у тебя Андреевские. Даже не спорь. Нос орлиный, Ивановский, как пить дать. А губы, мирыне, согласитесь, губы у Николая точь-в-точь Толикины.

– Так что ты, Никола, наш сын. Мы, бабы, сообща решили ваш дом взять на себя, и хозяйство, и твою сестренку с братиком, и отца...

Не мужики, а мамки моих погибших дружков подняли меня с подводы и перенесли в избу.

Подъезжали к станции Убинской. Солнышко осветило нас. Я посмотрел на воротник рубашки Николая Ефимовича. Она была уже черной. Поезд чуть притормозил. Нас обдало гарью железа. Я с волнением посмотрел вперед состава. Бывали случаи, когда на Убинской станции садились контролеры и проверяли, насколько мы, кондукторы, освоили основные правила сопровождения поездов. Я на всякий случай прикрыл плащом Николая Ефимовича. Поезд остановился. Быстро запыгнули два контролера и тут же поезд дал длинный свисток и застучали сцепки. Я с радостью поздоровался с мужчинами. Мы были знакомы. Я спросил их, будут ли они задавать мне вопросы по инструкции? Они отмахнулись. И тут один из них отодвинул влево мой плащ и увидел Николая Ефимовича. Он запищал:

– Ты возишь пассажиров? Поди ещё и деньги берешь?

Николай Ефимович подал голос:

– У меня в Новосибирске мамань-

ка умирает. Она в больнице. А на пассажирском я не успею. Сердцем чую, не успею. А денег я ему не предлагал...

Контролер отвернулся. Так мы и ехали до станции Каргат в молчании. Контролеры с нами не попрощались. Когда мы тронулись, я спросил у Николая Ефимовича: «А кто из мамок умирает?»

Он пожал мне руку.

– Тебе достанется. Прости. – Он долго смотрел на удаляющиеся дома Каргата и тер глаза. – Пока я не нашёл девицу по душе, они были рядом. Их горе объединялось в одну душу. И что я тебе, Анатолий, отмечу: потеря сыновей не разрушила их мир любви к остальным. Не воспламенилась у них ненависть и к тем, кто наших русских убивал, – немцам...

В начале восемнадцатого года к нам в деревню привезли шесть военнопленных. Так мои мамки и их одевали, как и меня. – Он помолчал, вытер слёзы. – Первой умерла Арина Петровна, мать Ивана. После моей свадьбы. Знаешь, что они с мужем Ермолаем Тимофеевичем подарили нам на свадьбу? Весь сапожный инструмент. Так что я уже тридцать лет как сапожник.

Второй умерла Марья Парамоновна, мама Андрея. Они нам с мужем Филиппом Федоровичем подарили деревянную точеную детскую люльку. Варварушка, жена моя, мне принесла троих: два сына и дочь. Выросли в той люлочке. А сейчас внучата по очереди осваивают...

А сегодня ночью к нам пришли и сказали, что в Новосибирске, в городской больнице умирает Ульяна Ивановна, мамка Анатолия. Вот почему я и спешу.

Мне не пришлось долго уговаривать заведующего Новосибирским вокзалом, чтобы вымыть в служебном душе Николая Ефимовича и почистить его пиджак, рубашку. Мне в помощники напросились техничка, тётя Дуся Чумакова, и дядя Сережа Овчинников,

работник багажного отделения. Мы взяли багажную тележку, посадили в нее Мылкова и повезли до трамвая.

Не застали мы в больнице Ульяну Ивановну. В Успенском храме, в Березовой роще, шло отпевание. Николай Ефимович подкатился к гробу, установленному на двух стульях. Положил правую руку на гроб и замер. Священник, соблюдая ритуал, проходил с кадилом вокруг гроба, несколько старушек подпевали ему. Священник, проходя мимо инвалида, приостановился, внимательно осмотрел мужчину, сидящего на коляске, умолк, кадило замерло, погасло. Он повернулся ко мне и в слезах попросил:

– Анатолий, помоги разжечь кадило. Я себя плохо чувствую. Дьякон куда-то запропастился.

Николай Ефимович, видно, услышал, как священник обратился ко мне, повернулся к нам и в сплошной тишине чётко проговорил:

«Отец Олег, отпеваешь мать солдата Анатолия Ульяну Ивановну. Помнишь солдата, кишки которого на дереве висели? Это его матушка...».

Отец Олег передал мне кадило, а сам шагнул к Николаю, упал перед ним на колени. Обняли они друг друга и замерли.

К этому времени пришел дьякон отец Иоанн. Он и продолжил отпевание.

Отец Олег мне часто говаривал: «От самых далёких веков наши сибиряки показывали стойкость, мужество и в будущем в бесконечные века жизни нашего Отечества так и будет».
